

ЯЗЫК В БИО-СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ «УРОВНИ»

А.С. Дружинин, О.А. Карамалак

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики»,
115184, Россия, Москва, Большая Ордынка 47/7, с. 2

Вопрос о том, как «порождаются» слова и словосочетания на уровне речи и каков их семиотический статус как лексико-грамматических единиц языка, волнует не одно поколение лингвистов. В данной статье предлагается взглянуть на эту проблему с позиции био-социо-культурного подхода к языку как области когнитивных (биологических и социальных) взаимодействий человека с окружающей средой. Предполагается, что изучение лексической составляющей языка должно различаться в зависимости от того, рассматриваются ли слова в устном взаимодействии (речь первого порядка) или в текстовом формате (язык второго порядка). Значение слова ни субъективно (принадлежит только читателю), ни объективно (содержится только в тексте); оно выводится воспринимающим сознанием каждый раз на основе взаимодействия с графическим знаком, являющимся аффордансом для генерирования определённого контекстуального смысла (здесь и сейчас). Относительно грамматического уровня утверждается, что умение порождать синтаксические конструкции является биологической способностью человеческого организма актуализировать потенциальные когнитивные ресурсы – запас необходимых знаний, накопленный в результате рекурсивных (и рекуррентных) сопряжений с языковой средой и обеспечивающий ощущение уверенности в успешном выполнении адаптивных действий в каждой новой ситуации изменения этой среды.

Ключевые слова: био-социо-культурный подход; воплощённая когнития; оязыченный организм; значение; знание-как-действие; аффордансы; слово; синтаксические конструкции; когнитивные ресурсы.

Концепция биокогнитивного и био-социо-культурного подхода к языку

Био-социо-культурный подход в языковедении исходит из биологической теории познания, предложенной У. Матураной (1978), и социо-культурной теории Л. Выготского (1934). Интеграция биологического и социального объясняется тем, что язык, имея биологическую основу, предполагает социальное поведение человека как самоорганизующейся живой системы, встроенной (in-formed) в динамику взаимодействий с внешней физической и социо-культурной средой ([10, 21, 22]) и являющейся «записью» своего предыдущего развития

[7, с. 259]. Это достигается за счёт когнитии, т.е. особого строения нейронных сетей, распределённых по всему организму человека и обеспечивающих работу высшей нервной деятельности в бесконечном множестве структурных взаимодействий «человек-среда» посредством определённых когнитивных/познавательных механизмов, т.е. буквального «запоминания» сенсомоторных реакций организма на повторяющиеся (рекуррентные) и усложняющиеся (рекурсивные) внешние стимулы, в результате чего выстраивается то или иное поведенческое различие – знание. Под структурным взаимодействием (сопряжением) с внешней средой понимается любое изменение такой среды, влекущее

за собой структурное изменение (изменение в поведении) самой живой системы, адаптирующейся к ней и стремящейся сохранить свою биологическую устойчивость (организацию). «Запоминание» таких изменений, или сохранение во времени специфических состояний активности нервной системы [8, с. 194] обусловлено установлением причинно-следственных связей между внешними стимулами, своеобразной мысленной фиксацией стимулов и отношений между ними, т.е. буквально «пониманием, что к чему». В самом естественном смысле эти каузальные связи, устанавливаемые организмом в ходе его адаптивного «встраивания» (in-formation) в тот или иной элемент динамики внешней среды, можно назвать *значением*, играющим определяющую роль во всей его социокультурной и биологической жизни [26], поскольку оно позволяет человеку адекватно ориентироваться в пространстве хаотичных внешних сигналов и символов путём «сортировки» их на знаки и не-знаки. В качестве «положительного» результата вырабатывается знание, которое служит функциональной основой жизни человеческого организма и регулирует все его адаптивные механизмы.

Не стоит сужать понимание этого явления до рамок хранящейся в памяти инструкции или правила, а также до размытого определения когнитивной структуры, которая отражает или репрезентирует реальность. В сущности, любое поведение, включая катание на велосипеде и решение математической задачи, в различных контекстах опирается на когнитивный регулятор. В первом случае речь идёт о так называемом динамическом автоматизме (то, что в педагогическом дискурсе может называться *навыком*), выработанном организмом в результате неоднократных сопряжений с физическими изменениями среды, во втором – уже о мыслительном алгоритме математических операций, «достигнутом» в результате интеллектуальных взаимодействий. Во всех этих ситуациях неизменной остаётся когнитивная опора в виде поведенческого разграничения – результата встраивания (in-formation) организма в собственную нишу, – т.е. *знания как эффективного поведения* [10] двигательного или интеллектуального характера, что достигается за счёт распределённых по телу нейронных сетей и, тем самым, «воплощённой когниции» (embodied cognition).

К важному свойству нервной системы человеческого организма, обеспечивающей осуществление и прогрессирующее преобразование ак-

туального поведения в формы нового порядка, стоит отнести способность к потенциальному поведению, необходимо сопутствующему актуальному в каждом акте познавательной деятельности ([10, 20]). С открытием Н. П. Бехтеревой гибких звеньев мозга – особых мозговых систем, которые наряду с жёсткими звеньями регулируют нейронную активность адаптивного характера [3], – стало возможным говорить о «пластичности» поведенческих реакций, своеобразной «готовности» организма сохранять надёжное адаптивное состояние в условиях постоянных изменений внешних факторов. Когнитивная система человека может «действовать» настолько вариативно в рамках одной и той же задачи, насколько это обеспечивает устойчивость самой системы. Простыми словами, катание на велосипеде как совокупность двигательных реакций на внешние стимулы физической среды с каждым последующим разом своего совершения никогда не повторяется и не может быть в точности идентичным: маршрут, который выбирает велосипедист, погодные условия, состояние дороги, психологические ощущения и переживания всегда отличны друг от друга в определённой степени, однако внутренние ресурсы организма позволяют ему каждый раз «срабатывать» эффективно, несмотря на данные помехи. Именно эта особенность открывает возможности к физическому и интеллектуальному развитию, когда происходит усложнение требуемых решения задач до определённого уровня *потенциальных ресурсов организма*.

Особым достижением когнитивной деятельности человеческого организма является язык. Сложность этого феномена заключается прежде всего в том, что язык, по сути, представляет собой когнитивное различие уже проведённых организмом когнитивных различий. Это значит, что выделение того или иного признака внешней среды (т.е. сущности) совпадает с самим актом его лингвистического описания, поскольку сущность становится сущностью только тогда, когда мы можем её описать, т.е. установить такие точки референции, относительно которых эта сущность может выделяться как таковая (см. [10]). Иными словами, язык служит новым форматом поведенческих разграничений организма (областью референций, лингвистическим полем), внутри которых организм создаёт ещё одни поведенческие разграничения (т.е. «действует в языке»), при этом вторые не могут существовать без первых, а первые теряют смысл

без существования вторых. Таким образом, сущности и их описания возникают лишь как особые *референциальные состояния нервной системы* организма (репрезентации), с которыми она взаимодействует, как если бы эти состояния были независимыми сущностями, с которыми можно «обращаться» подобно объектам внешнего мира [10].

**Лексический уровень языка,
или что представляют слова и их значения в
письменной и устной модальности**

В современной биокогнитивной парадигме лексический уровень языка не изучается отдельно от синтаксического или прагматического уровней согласно «трёхмерному пространству языка» [13]. Семантика больше не абсолютизируется как главный аспект языкознания, а изучается в релятивной зависимости от синтактики, прагматики, экстралингвистических факторов и других смежных наук. Так, например, Р. Джэкендофф говорит о тесной связи семантики с другими науками, описывающими когнитивные способности человека, прежде всего, психологией [17]. Очевидно, что при восприятии речи человек использует те же механизмы, что и при восприятии чего-либо в целом. Следовательно, возникает интерес к пограничным областям лингвистики: гештальт-психологии (фигурафон), нейролингвистике и др. Изучаются механизмы концептуализации и категоризации знаний, а также операции, ведущие к абстрактному мышлению (метафоризация, метонимия, сканирование, создание имидж-схем и др.), непосредственно связанному с экспериенциальным опытом тела человека. Лингвисты XXI века всё больше говорят о воплощённости знаний в теле и их распределённости в социальной и культурной среде. Об этом свидетельствует, например, недавно прошедшая в Москве (10-12 сентября 2017) десятая международная конференция, посвященная вопросам воплощённости и ситуативности процессов языковой обработки («The 10th Annual Embodied and Situated Language Processing»).

Размышляя о том, что представляют слова с позиции биокогнитивизма, необходимо рассмотреть деление на речь первого порядка (first-order languaging) и язык второго порядка (second-order language) [25]. Речь первого порядка основывается на языке в действии, включая интерактивность человеческих тел во взаимодействии. Язык

второго порядка подразумевает систему языка, которая включает культурную динамику целого населения, взаимодействующего на данном языке в более длительном культурно-историческом плане.

Деление на язык и речь было впервые предложено Ф. Де Соссюром [12], однако главное отличие от Соссюровского структурализма заключается в том, что в современном подходе подчёркивается взаимодействие, сотрудничество и корреляция общающихся, благодаря которым расширяются их возможности интерпретации и генерации информации и знаний, а не существование абстрактной языковой системы, которую мы применяем в процессе общения. Диалогически скоординированная речь создаётся, воспринимается и осознаётся как самим агентом (говорящим), так и наблюдателем. Наблюдатель рассматривается как перцептивно-когнитивный субъект, человек в когнитивно-дискурсивной коммуникативной деятельности, заключающейся в ориентирующем взаимодействии участников коммуникации [5]. В широком смысле под наблюдателем можно понимать любое воспринимающее сознание (читателя, автора, интерпретатора) – одним словом, человека.

Акцент смещён на динамику поведенческих событий в реальном времени (здесь-и-сейчас). В интересубъективном пространстве языкового взаимодействия происходит распределённость когнитивных (в том числе языковых) и аффективных процессов через мозг, тела, аспекты социального, культурного и физического мира. Языковое значение имеет интересубъективную природу, оно возникает в универсуме дискурса как часть материального мира, в котором протекают другие виды человеческой деятельности [24; 9].

В диахроническом аспекте язык появился и первоначально существовал исключительно в устном виде. Речь рассматривается в данной статье как естественная биологическая способность социальной адаптации в языковой среде, обладающая ориентирующей функцией. Вступая в вербальную (устную) коммуникацию с другими, человек преследует цель оказать на собеседника ориентирующее воздействие таким образом, чтобы оно, в лучшем случае, способствовало повышению эффективности его адаптивных взаимодействий со средой. Значение слова играет часто меньшую роль, чем экстралингвистические динамики (интонация, жесты, мимика, и т.д.), понимание самой схемы ситуации. Так, напри-

мер, коммуникация может пройти успешно даже между не владеющими одним языком людьми, если схема или процедура ситуации им знакома, и используется язык тела. В устном общении важно создание «консенсуальной области взаимодействия» [10]. Понятие «консенсуальная область взаимодействий» синонимично понятию «кооперативная область взаимодействий». Языковую деятельность (language) У. Матурана сравнивает с танцем, которому свойственны не иерархия и управление и не конкуренция, а взаимная подгонка действий, сотрудничество. «Человеческие существа являются биологически любящими (сотрудничающими) существами, а язык – это наш биологический способ жизни» [10, с. 2].

С появлением письменности человечество вступило в новую эпоху текстовой среды. Письменный язык – это артефакт, являющийся неотъемлемой частью нашей жизни. Однако, письменный и устный языки – это две различные сущности. По словам П. Линелла, языкознание как наука прежде всего направлено на изучение графического слова или слов. Тем самым он обвиняет лингвистов в письменноречевой предвзятости. Линелл полагает, что письменный текст или слово – это результат или продукт активности автора [18; 19]. Письменный текст воспринимается как объект и обладает свойствами постоянства и статичности. Текст состоит из отдельных символов или слов, которые пространственно и структурно организованы согласно нормам и правилам. Текст атемпорален, то есть к нему можно возвращаться несколько раз. Письменный текст в отличие от устной речи не обладает контекстом «здесь и сейчас». Среда письма сама по себе монологична, в том смысле, что автор или писатель взаимодействует со своим «Я». Более того, научение или усвоение письма и чтения существенно отличаются от усвоения говорения. Усвоение письменного языка происходит за счёт эксплицитных объяснений, правил. Талантливые писатели учатся годами, оттачивая мастерство письма. Усвоение письменного языка можно отнести к социализации второго порядка, где школа и другие культурные институты играют значимую роль.

Разная когнитивная природа естественного и письменного языка как семиотических феноменов неоднократно подчёркивалась А.В. Кравченко [8]. Текст и разговор – явления хотя и взаимосвязанные, но различающиеся по своей онтологии [9], в разговоре понимание зависит

от огромного количества индексальных знаков, присутствующих в коммуникативной ситуации и являющихся по большей мере невербальными (тембр, ритм, паузы, телодвижения др.). В то время как речь телесно воплощена, и присущая ей динамика контролируется и анализируется в режиме реального времени, письменный язык бестелесен относительно человека как деятеля. А.С. Мельничук говорит, что абстрактная система языка как результат научной обработки реального языка не может рассматриваться на одном уровне с конкретным языком как речевой деятельностью [11, с. 5 – 6]. Следовательно, методология изучения речи в действии должна существенным образом отличаться от изучения письменных текстов.

Так или иначе, само слово не несёт в себе лексического значения, последнее генерируется слушателем или читающим индивидом в процессе взаимодействия со средой. «Значения не являются предметами, «закреплёнными» за материальными формами, передаваемыми по коду, индивидуальный опыт «жизни в языке» (language) коммуниканта является единственным источником всех актуальных значений. При этом значения выводятся (inferred) либо на основе соотношений с системными формами актуальных слов («эксплицитные»), либо с опорой на комбинации слов, не характеризующихся такими отношениями, благодаря знаниям правил комбинаторики слов и картины мира («имплицитные»)» [2, с. 5].

Написанное или произнесённое слово является триггером или *аффордансом* для порождения значения. Термин «аффорданс» введён американским психологом Дж. Гибсоном (англ. affordance от afford – иметь или предоставлять возможность). В экологической теории восприятия Дж. Гибсона аффорданс – это возможности для возникновения определённого поведения организма в среде; предпосылки, имеющие определённое значение для организма, которые проявляются во взаимодействии организма и среды [16, с. 127]. Важно отметить, что аффордансы не являются ни частью среды, ни свойством человеческого организма. Аффордансы нельзя отнести ни к объективной, ни к субъективной действительности, они значимы, актуальны на стыке этих двух измерений или во взаимодействии организма со средой. Необходимо выйти за рамки дихотомии «субъективное-объективное». Следовательно, в самом слове нет аффордансов в отрыве от наблюдателя, аффордансы суще-

ствуют лишь во взаимодействии наблюдателя со словом: «Аффорданс возникает на стыке взаимодействия среды и наблюдателя» [16, с. 129: перевод – наш К., Д.].

В слове нет значения, так как значение создаётся при непосредственном взаимодействии человека с текстом, который является средой письменного слова или контекстом и невербальными составляющими взаимодействия при устном общении. Неправильно полагать, что если форма языковой единицы представлена, то компетентный носитель языка может «считать», «декодировать» и т.д. содержание так же, как он декодирует любую информацию, содержащуюся в объективном мире. На самом деле в мире нет «pre-existing» информации, «ждущей своего высвобождения» [23], и поэтому всё знание (информацию) каждый человек создаёт для себя сам. Значение одной и той же лингвоформы может быть адаптировано наблюдателем к тому или иному контексту по-разному, что влияет на понимание общего смысла всей ситуации. Воспринимающее сознание актуализирует содержание знака, а не пассивно получает его в готовом виде.

Грамматический уровень языка, или что такое словосочетания и синтаксические конструкции

Человеческий организм как оязыченная личность (language person) выделяет сущность не в изолированном виде, а всегда в совокупности взаимосвязей и отношений, которые «принадлежат» этой сущности. Это следует из того, что организм вступает в постоянные сопряжения со своей окружающей средой, которую сам создаёт для себя посредством разграничения в ней множества признаков. Выделяя тот или иной признак в качестве сущности, организм всячески с ней взаимодействует, в результате чего сущность «образует» область разнообразных взаимодействий и отношений, поэтому «описать сущность значит перечислить актуальные и потенциальные взаимодействия и отношения этой сущности» [10, с. 2]. Необходимость описания этой потенциальной реляционной области обуславливает адекватное функционирование потенциального поведения, что с биологической точки зрения подчиняется условной формуле «знание – эффективное действие». Иными словами, знание как «натренированность тела превращать потенциальные состояния в актуальные»

(цитата по [1, с. 492]) обеспечивает реализацию того самого языкового действия, которое соответствует перечислению всех потенциальных взаимодействий и отношений сущности, что на уровне речи как реального процесса соответствует грамматическому развёртыванию высказывания (incrementation) – описанию этой сущности.

В действительности, грамматические категории составляют *запас потенциальных когнитивных ресурсов, «хранящихся» в памяти организма как результат успешных (значимых) взаимодействий в лингвистическом поле, и которые могут быть актуализованы только в реальном процессе языковых сопряжений и в той степени, насколько это требует контекст внешней среды*. Знание того, какие потенциальные языковые действия можно совершить с отдельно взятой лексемой (предстоящей сознанию как самостоятельная сущность, но на деле являющейся «зафиксированным во времени» референциальным состоянием организма), составляют когнитивные возможности организма осуществлять такие действия, т.е. реальный «on-line» процесс «создания слов из небытия» [1, с. 495] во множестве их комбинаторных и трансформационных модификаций. Данный процесс всегда пластичен и требует от мозговой системы определённых ресурсов, гарантирующих гибкость, вариативность и интуитивность поведенческих реакций. И такие ресурсы у организма есть (гибкие звенья мозга), ведь без них было бы невозможно представить часто случающиеся ситуации, когда человек в начале своего предложения буквально не знает (или знает не полностью), как он его закончит.

Человек не мыслит синтаксическими конструкциями, поскольку говорить о них имеет смысл только тогда, когда в них есть «готовые» слова. Синтаксические конструкции – это результат процесса речетворчества, а точнее актуализации имеющихся когнитивных ресурсов, позволяющих говорящему сочетать и согласовывать знакомые слова таким образом, чтобы быть понятым, т.е. совершить эффективное действие в своей языковой области сопряжений. Такие грамматические ресурсы, как и лексические, «накапливаются» только в результате подобных совершаемых эффективных действий, однако в отличие от знания слов, знание грамматики само по себе – это знание-как-действие [15], или *когнитивная привычка*, что, как и в любой поведенческой привычке, предполагает склонность

к экстраполированию поведенческих актов и соответствующему грамматическому «достраиванию» [4]. Последнее означает, что, например, при освоении языка человек склонен «действовать» с новым языковым материалом, используя аналогию: например, если все известные носители русского языка глаголы на *-ировать* в форме 3-его лица ед.ч. оканчиваются на *-ирует*, то неизвестное слово типа «генотипировать» человек употребит в этой же модификации – «генотипирует». Именно эта способность к самостоятельному конструированию грамматики языка оказывается ключевой в процессе освоения детьми родного языка. Как показывают исследования, для полной «достройки языковой системы» исходных данных может или должно быть мало – человек способен создавать неограниченное количество новых сообщений на основе небольшого исходного опыта, т.е. он буквально «ухитряется овладеть полной грамматикой языка, слыша наряду с правильными много нечётко произнесённых слов, неполных предложений и т.д.» [4, с. 205].

Новое понимание сущности грамматики языка предполагает новый подход к её описанию, а именно не только в научных, но и в учебных целях. Что значит описать грамматику? Вероятно, это то же самое, что описать реальный жизненный процесс, сложный в многообразии своих проявлений и настолько непредсказуемый, насколько непредсказуемы могут быть факторы внешней среды и реакций на них человека. В таком процессе всегда можно выделить определённые закономерности и представить их в виде моделей, которые можно назвать правилами или инструкциями. Однако этот подход всегда условен, ведь трудно согласиться с тем, что за пределами языковой области сопряжений, например, в ситуациях простых двигательных действий – ходьбы – уместно говорить о правилах или моделях движений, которыми человек «должен» руководствоваться в том или ином случае, при той или иной внешней или внутренней переменной (погодные условия, опоздание, недомогание). Разумеется, человек не вспоминает правила и не полагается на модели походки, когда неспешно или торопливо направляется в какое-то место. Единственное, что им «движет» – это *ощущение уверенности* в том, что именно с такой скоростью, в таком темпе, в таком стиле координации своих движений он сможет адекватно адаптироваться к конкретной ситуации и успешно в ней сориентироваться. Немногим от

этого отличаются и жизненные процессы в языковой области сопряжений (*languageing*), в частности, необходимо признать, что *грамматика и есть ощущение уверенности в своих языковых действиях*, языковое чутьё (*language stance*) [14], и «поскольку это ощущение глубоко укоренено в сознаниях компетентных носителей языка, оно делает излишним применение в рамках конкретного коммуникативного акта какого-либо свода правил сборки языковых средств в соответствии с абстрактными правилами языка» [1, с. 494].

О правилах и правильности в контексте грамматики стоит говорить лишь в русле эффективности или неэффективности совершаемых действий, причём в социо-культурном, а не биологическом смысле. Письменный язык как культурный артефакт существенно отличается от устного языка и является достижением человеческой культуры, где, как и в любой другой форме культурной деятельности, сложились традиции и стандарты, сохранение которых и есть смысл самой культуры (подробнее об этом см. [8]). Таким образом, развитие письменности и литературного языка неразрывно связано с особым «этикетом» принятого культурного языкового (а точнее, грамматического) поведения, несоблюдение которого вызовет неодобрение со стороны социума. Именно такое условное социо-культурное неодобрение обуславливает неэффективность действий в лингвистическом поле и стремление оязыченной личности адекватно встраиваться в свою социо-культурную нишу, следуя нормам письменности в тех ситуациях сопряжений с ней, когда это необходимо. Простыми словами, если вернуться к примеру с походкой, мы вряд ли можем себе позволить прогуливаться по театру во время антракта босиком, даже если это намного удобнее, чем в обуви, поскольку это культурно неприемлемо в окружающем социуме в данном контексте. Тем не менее, это не отменяет (физическую) возможность такого стиля прогулки с нашей стороны – мы можем это сделать, например, в пустом театре в компании друзей-работников этого театра, которые нас пригласили на «экскурсию». Исходя из этого, было бы не совсем уместным говорить о невозможности или неправильности прогулки по театру босиком вообще, так же как не совсем «честно» со стороны лингвистов было бы формулировать свод правил – прескрипций, диктующих носителю языка или его изучающему грамматическое поведение, просто потому, что количество таких универсальных правил неиз-

бежно стремится к такому же количеству внешних единичных исключений из них, по мере того как контекст внешней социо-культурной и биологической среды безгранично меняется, вызывая в организме как адаптивной системе всегда неодинаковые состояния координационной неустойчивости, восстановить которую можно только за счёт всегда нового, заново выстраиваемого в режиме «on-line» эффективного поведения.

Заключение

В качестве заключения стоит ещё раз обратиться к важным положениям био-социо-культурного подхода к сущности языка в своём лексическом и грамматическом «проявлении». Грамматика (как и лексика) не отражает реальный мир и не репрезентирует знание о нём. Это и есть знания (*как форма жизни и адаптивный механизм выживания*), приобретённые в достаточно «сжатой» форме по итогам взаимодействий в лингвистическом поле, однако по мере усложнения данных взаимодействий эти знания реализуются каждый раз в бесконечном множестве вариаций благодаря определённым нейрофизиологическим свойствам человека как «когнитивного накопителя» потенциальных ресурсов.

Таким образом, слова и словосочетания по сути виртуальны до тех пор, пока не происходит семиотический процесс их генерирования и интерпретации, в ходе которых они могут быть формально расчленены на отдельные единицы, структуры и конструкции в зависимости от языкового уровня. Виртуальность, тем самым, – свойство сознания, где язык распределён системно, в виде неразделимого, синкретического знания о способах адаптивного поведения, на-

копленного «опытным путём». Актуальность, присущая конкретным грамматическим и семантическим свойствам слов и словосочетаний, принадлежит речи как реальному процессу «онлайн» поведения – адаптации к окружающей среде, динамика которой «подсказывает» нужный контекст, т.е. снабжает аффордансами оязыченный организм. При этом слова в тексте и слова в речи представляют собой разные сущности, поскольку текстовое слово служит аффордансом для генерирования смысла. Читающий адаптирует и выводит смысл на основе контекста ситуации и общего понимания значения слова. В устном взаимодействии важны интерактивные динамики (экстралингвистические факторы), так как говорящий и слушающий создают консенсуальную область взаимодействия, тем самым ориентируя друг друга в коммуникативной среде. Способность человека как оязыченного организма с распределённой когницией сохранять внутреннюю устойчивость при нестабильности внешних факторов обеспечивает, с одной стороны, адекватную структурную вариативность (актуальность) и, с другой стороны – системность (потенциальность) всех его референциальных состояний. Это проявляется в успешном протекании семиотических процессов порождения и интерпретации слов и их сочетаний в грамматических моделях или конструкциях, где иницирующим фактором является не опора на «правила» или словарные дефиниции, а интуитивное ощущение правильности своих языковых действий как общебиологических адаптивных механизмов. При этом, данное ощущение достигается за счёт опыта установленных каузальных отношений (значений) в лингвистическом поле и выработанных на их основе привычек рекурсивных взаимодействий с ними и всегда новой коммуникативной средой.

Список литературы

1. Архипов И. К. Взаимодействие речевого поведения и системы языка: как возникает язык на уровне речи // Когнитивные исследования языка, 2012. № 12. С. 489-500.
2. Архипов И. К. ИмPLICITные и эксплицитные значения, или парадокс обыденного сознания // Studia Linguistica (Санкт-Петербург), 2013. № XXII. С. 5 – 10.
3. Бехтерева Н. П. О мозге человека. Размышления о главном. СПб.: Нотабене, 1994. 244 с.
4. Бурлак С. А. Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, Corpus, 2011. 464 с.
5. Верхотурова Т. Л. Фактор наблюдателя в языке науки (монография). Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2008. 290 с.
6. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1934. 318 с.
7. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. Пер. с англ. под ред. В. Г. Трилиса. К.: «София»; М.: ИД «София», 2003. 336 с.

8. Кравченко А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 388 с.
9. Кравченко А. В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: Издательство БГУЭП, 2008. 320 с.
10. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Перевод с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
11. Мельничук А. С. Методологические поиски в современных подходах к исследованию языка // Методологические основы новых направлений в мировом языкознании. Киев, 1992. С. 3 – 15.
12. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с франц. яз. под ред. А. А. Холодовича; Ред. М. А. Оборина; Предисл. проф. Н. С. Чемоданова. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
13. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.
14. Cowley S. J. Taking a language stance // Ecological Psychology, 2011. Vol. 23. ISS 3. P. 5-25.
15. Frisina W. G. The Unity of Knowledge and Action: Toward a nonrepresentational theory of knowledge. NY: SUNY Press, 2002. 280 pp.
16. Gibson J. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston: Houghton-Mifflin, 1979. 332 p.
17. Jakendoff R. Semantics and cognition. MIT Press, 1983. 283 p.
18. Linell P. Dialogical Language, Dialogical Minds, Dialogical Brains // Language Sciences. Cambridge: Elsevier, 2007. № 27. P. 605–620.
19. Linell P. On the Nature of Language: Formal Written Language-Biased Linguistics vs. Dialogical Language Sciences / Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions ed. by A. V. Kravchenko. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 107-124.
20. Love N. Cognition and the Language Myth // Language Sciences. – Cambridge, UK: Elsevier, 2004. № 26. P. 525-544.
21. Maturana H. R. Biology of language: The epistemology of reality // Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg by Miller, George A. and Elizabeth Lenneberg (eds.). New York: Academic Press, 1978. P. 27-63.
22. Maturana H. R. Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument // The Irish Journal of Psychology. Dublin, 1988. Vol. 9 (1). – P. 25-82.
23. Reeke G.N., Edelman G.M. Real brains and artificial intelligence // Daedalus, 1988. No. 117. P. 143–174.
24. Sinha C. Grounding, mapping, and acts of meaning. In Th. Janssen and G. Redeker (eds.). Cognitive Linguistics: Foundations, scope, and methodology. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 223 – 255.
25. Thibault Paul J. First-Order Language Dynamics and Second-Order Language: The Distributed Language View // Ecological Psychology, 2011. 23:3. P. 210-245.
26. Zlatev J. Meaning = Life (+ Culture): An outline of a unified biocultural theory of meaning // Evolution of Communication, 2003. No 4 (2). P. 1–37.

Сведения об авторах:

Дружинин Андрей Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО. Email: andrey.druzhinin.89@mail.ru.

Карамалак Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая Школа Экономики». Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, семантика, лексические прототипы, многозначность. E-mail: okaramalak@hse.ru.

LANGUAGE IN BIO-SOCIO-CULTURAL CONCEPTION: LEXICAL AND GRAMMAR “LEVELS”

Andrey S. Druzhinin, Olga A. Karamalak

Moscow State Institute of International Relations (University),
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia
National Research University Higher School of Economics,
2 Building, 47/7 Bolshaya Ordinka, Moscow, Russian Federation, 115184.

The Abstract: *It has been an object of ongoing linguistic research to investigate the mechanisms of 'generating' words and word combinations in real speech, and define their semantic status as lexico-grammatical units of language-as-a-system. The article encourages the reader to look at the outlined problem from the bio-socio-cultural perspective on language as a domain of cognitive (biological and social) interactions between an individual and his/her environment. The authors claim that the study of the lexical*

part of language should be different depending on whether words are analyzed in speech interactions (first-order languaging) or in text (second-order language). The meaning of a word is neither subjective (belongs to the reader only) nor objective (as part of the text only); it emerges every time anew from interactions of a perceiver with the perceived graphical sign which is an affordance for generating a particular hic et nunc contextual meaning. As for the grammatical part, it is asserted that the 'generation' of syntactical constructions is a biological ability of a human organism to renew and activate potential cognitive resources ('storage' of all the knowledge) which result from recursive (and recurrent) contingency with the language environment and which enable the organism to feel confident of the success and effectiveness of adaptive acts in every new situation of the environment dynamics.

Key Words: *bio-socio-cultural approach; embodied cognition; languaging organism; meaning; knowledge-action; affordances; a word; syntactical constructions; cognitive resources.*

References

1. Arkhipov I. K. Vzaimodeistviye rechevogo povedeniya i sistemy yazyk: kak vznikayet yazyk na urovne rechi [On the interaction of communicative behavior and language stance: how language emerges from languaging] // Kognitivnyye issledovaniya yazyka [Cognitive studies into language], ISS 12, 2012. pp. 489-500.
2. Arkhipov I. K. Implicitnye i jeksplisitnye znachenija, ili paradoks obydenного soznaniya [Explicit and implicit meanings, a paradox as viewed by folk usage of a language] // Studia Linguistica. № XXII, 2013, pp. 5-10.
3. Bekhtereva N. P. O mozge cheloveka. Razmyshleniya o glavnom [On the human brain. Reflections on the essentials]. Saint-Petersburg, Notabene. 1994, 244 p.
4. Burlak S. A. Proishozhdenie jazyka: fakty, issledovaniya, gipotezy [Origin of language: facts, research, hypotheses]. Moscow, Astrel', Corpus. 2011, 464 p.
5. Verhoturova T. L. Faktor nabljudatelja v jazyke nauki [Factor of the observer in the language of science]. Irkutsk, Irkutskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet [Irkutsk State Pedagogical University]. 2008, 290 p.
6. Vygotskij L. S. Myshlenie i rech' [Thinking and speech]. Moscow, Labirint. 1934, 318 p.
7. Kapra F. Pautina zhizni. Novoe nauchnoe ponimanie zhivyh sistem. Per. s angl. pod red. V. G. Trilisa [The web of life]. Kaliningrad, «Sofija»; Moscow, ID «Sofija». 2003. 336 p.
8. Kravchenko A. V. Ot jazykovogo mifa k biologicheskoj real'nosti: pereosmysljaja poznavatel'nye ustanovki jazykoznanija [From the language myth to biological reality: reconsidering the epistemic guidelines of linguistics]. Moscow, Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi [Manuscripts of Ancient Rus]. 2003. 388 p.
9. Kravchenko A. V. Kognitivnyj gorizont jazykoznanija [Cognitive horizons of linguistics]. Irkutsk, Izdatel'stvo BGUJeP. 2008. 320 pp.
10. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya. Perevod s ang. Ju.A.Danilova [Tree of cognition. Transl. by Ju. Danilova]. Moscow, Progress-Tradicija. 2001. 224 p.
11. Mel'nichuk A. S. Metodologicheskie poiski v sovremennyh podhodah k issledovaniju jazyka [Methodological search in modern approaches to researching language] // Metodologicheskie osnovy novyh napravlenij v mirovom jazykoznanii [Methodological foundations of new trends in modern linguistics]. Kiev. 1992. P. 3 – 15.
12. Saussure F. de. Trudy po jazykoznaniju [Writings in General Linguistics] / Per. s franc. jaz. pod red. A. A. Holodovicha; Red. M. A. Oborina; Predisl. prof. N. S. Chemodanova [Trans.; by M. A. Oborina; Preface written by prof. N. S. Chemodanova]. Moscow, Progress. 1977. 696 p.
13. Stepanov Ju.S. V trehmernom prostranstve jazyka: semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva [In a three-dimensional space of language: semiotic issues of linguistics, philosophy and art]. Moscow, Nauka. 1985. 335 p.
14. Cowley S.J. Taking a language stance // Ecological Psychology. Vol. 23. ISS 3. 2011. pp. 5-25.
15. Frisina W. G. The Unity of Knowledge and Action: Toward a nonrepresentational theory of knowledge. NY, SUNY Press. 2002. 280 p.
16. Gibson J. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston, Houghton-Mifflin. 1979. 332 p.
17. Jakendoff R. Semantics and cognition. Cambridge, Massachusetts, London, MIT Press. 1983. 283 p.
18. Linell P. Dialogical Language, Dialogical Minds, Dialogical Brains // Language Sciences. Cambridge, Elsevier. № 27. 2007. P. 605–620.
19. Linell P. On the Nature of Language: Formal Written Language-Biased Linguistics vs. Dialogical Language Sciences / Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions ed. by A. V. Kravchenko. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 107-124.
20. Love N. Cognition and the Language Myth // Language Sciences. Cambridge, Elsevier. № 26. 2004. P. 525-544.
21. Maturana H. R. Biology of language: The epistemology of reality // Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg by Miller, George A. and Elizabeth Lenneberg (eds.). New York, Academic Press. 1978. P. 27-63.
22. Maturana H. R. Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument // The Irish Journal of Psychology. Vol. 9 (1). 1988. P. 25-82.
23. Reeke G.N., Edelman G.M. Real brains and artificial intelligence // Daedalus. No. 117. 1988. P. 143–174.
24. Sinha C. Grounding, mapping, and acts of meaning. In Th. Janssen and G. Redeker (eds.). Cognitive Linguistics: Foundations, scope, and methodology. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1999. P. 223 – 255.

25. Thibault Paul J. First-Order Language Dynamics and Second-Order Language: The Distributed Language View // Ecological Psychology. 23:3. 2011. P. 210-245.
26. Zlatev J. Meaning = Life (+ Culture): An outline of a unified biocultural theory of meaning // Evolution of Communication. No 4 (2). 2003. pp. 1–37.

About the authors:

Andrey Druzhinin – PhD in Linguistics, Senior Lecturer at English language Department № 1, MGIMO. Spheres of research: cognitive linguistics, biology of cognition, cognitive grammar. E-mail: andrey.druzhinin.89@mail.ru.

Olga Karamalak – PhD in Linguistics, Associate professor of Foreign Languages Department at National Research University Higher School of Economics. Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, semantics, lexical prototypes, polysemy. E-mail: okaramalak@hse.ru.

✱ ✱ ✱